Я - Майя

В августе в Санкт-Петербурге открывается конкурс балетного искусства «Майя-94». К его началу в издательстве «Новости» выходит книга воспоминаний великой балерины под названием «Я, Майя Плисецкая»... «Поистине сказочная танцовщица, не имеющая себе равных», - так называют Плисецкую любители балета всего мира. Но мало кто знает, что за внешним благополучием скрывались бесконечная борьба за место на сцене, за роли, интриги и зависть менее талантливых, преследование со стороны КГБ. Обо всем этом Майя Михайловна рассказывает на страницах своей книги.

Плисецкой довелось встретиться со многими выдающимися деятелями политики и культуры XX века. Об одной из таких встреч и повествует глава из ее воспоминаний, которую мы печатаем с любезного разрешения автора и издательства.

По мадридскому телевидению шла передача о Валентине Кошубе, русской балерине давних легендарных времен. С 1914 года она танцевала в труппе Дягилева. Была неотразимо красива, как сказали бы сегодня - «Мисс Дягилев балет».

Я участвовала в передаче. Говорила приличествующие событию комплименты. Журналисты наступали на Кошубу с «крутым» вопросом - была ли она возлюбленной испанского короля Альфонсо XIII. Кошуба решительно отказывалась. Да, он был немножко влюблен в меня, слал цветы, делал королевские подарки. Но чтобы близость!.. Не было такого... В конце концов некая знойная женщина-журналистка в сердцах отрезала: в вашем возрасте, досточтимая сеньора (а Кошубе стукнуло 90!), лучше было бы солгать нам, короля в живых давно нет, зрителям было бы куда интересней.

- Но зачем же я буду говорить неправду? - горячилась Кошуба.

С СЕМЕЙСТВОМ КЕННЕДИ я познакомилась в 1962 году. В дни моего второго американского тура.

12 ноября Большой балет достиг столицы Америки. До Вашингтона были Нью-Йорк, Филадельфия, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Чикаго, Детройт, Кливленд. Карибский кризис.

Расположившись в чистеньком гостиничном номере, я открыла ванные краны - вся в предвкушении водяной неги. Но внезапно долгим будоражащим телефонным звонком была вызвана нашим руководителем Покаржевским вниз.

- Успели отдохнуть с дороги?

И, не слушая ответа, цепко и бесцеремонно ухватил меня за локоть и потащил к выходу.

- Едем на пресс-конференцию. Газетчики хотят вас видеть. После Кубы это важно. Но в ответах, прошу вас, будьте сдержанны и благоразумны. Наши переводчики вам в этом помогут...

После пресс-конференции всем гуртом покатили в советское посольство. Прием. Такой вроде этикет.

Наш посол Добрынин подводит ко мне стройного высокого американца, лицо которого кажется знакомым.

- Министр юстиции Роберт Кеннеди. Министр попросил меня вам его представить. Майя Плисецкая...

Так это Роберт Кеннеди. Я как-то сразу не признала его.

Весь дальнейший разговор переводился Добрыниным.

Роберт Кеннеди сказал, что видел меня в Москве в 1955 году. Мое «Лебединое» запомнилось ему. И он узнал по газетам, что я буду танцевать в Вашингтоне.

- Завтра я прийти не смогу, но будет президент с супругой...

В ответ своему собеседнику я вдруг выпаливаю:

- Я тоже вас знаю.

Кеннеди смущенно улыбается.

- В журнале «Америка» я читала, что вы родились в ноябре 1925 года. Я - тоже. А какого числа?..

Роберт Кеннеди удивлен нежданному повороту разговора.

- Двадцатого...

- Двадцатого?! Так мы двойняшки. Я тоже родилась двадцатого ноября.

За всю свою жизнь я встретила лишь одного человека, с кем родилась год в год, месяц в месяц, день в день. Своего двойняшку. Это был Роберт Кеннеди.

Министр расчувствовался и неловко чмокнул меня в щеку. Совпадение производит впечатление и на Добрынина. Он надсадно теребит переносицу.

- А где вы будете в этот день? - спрашивает Роберт Кеннеди.

- Кажется, в Бостоне...

«В Бостоне, в Бостоне», - закивал рыжей головой босс нашей поездки Покаржевский, возникший возле меня невесть откуда.

Цепь совпадений продолжает занимать моего собеседника.

- Бостон - моя родина. А что вы будете делать вечером двадцатого?

- Кажется, танцевать опять «Лебединое»...

«Лебединое», «Лебединое». Майя танцует двадцатого «Лебединое» в Бостоне», - ликует Покаржевский. Удачный случай продемонстрировать послу Добрынину свою осведомленность и служивую памятливость. Взяли Покаржевского в поездку со стороны, ведомо с какой, в театре он не работал. Но как споро вошел в дела!.. Доложит Добрынин куда следует, повысят вундеркинда.

- Я пришлю вам подарок, - говорит Роберт Кеннеди.

- Я тоже, - ляпаю по инерции опрометчиво...

Следующим утром, в день своего первого вашингтонского «Лебединого», пришла в репетиционный класс. Разогреться. Старалась никогда не изменять своему правилу хорошенько размяться в день спектакля.

В зале были зрители. Жаклин Кеннеди с маленькой Каролиной. Жену президента сопровождали свита, переводчики, телохранители, распластавшиеся в ненатуральной вежливости начальники Большого балета.

В тот день я чувствовала себя неприятно. Была чуть простужена, да день моей вашингтонской премьеры совпал с первым днем нашего женского нездоровья. Однако, увидев большеглазую красавицу Жаклин, чье внимательное веласкесовское лицо множилось в балетных зеркалах, я подтянулась и довела весь класс до конца. Даже прыжковые комбинации...

После класса нас познакомили, и я дала маленькой Каролине черно-белую ленту моих балетных слайдов, бывшую у меня с собой в сумочке. Наступил вечер. Перед началом балета сыграли гимны. Присутствует президент. После Карибского кризиса его посещение гастролей московских танцоров - очевидный политический шаг к примирению с Советами. Потому так наэлектризованы наши посольские, так суетливы корреспонденты советских газет, театральное начальство.

После второго акта, едва закрылся занавес, президент Кеннеди приходит на сцену. Жест замечательный. Оба с Жаклин направляются прямиком ко мне. Мы целуемся с Жаклин уже как знакомцы. Я пачкаю ее загорелую щеку театральной помадой.

Похвалы. Восхищения. Президент говорит, что маленькая Каролина в восторге от моих слайдов.

- Заявила нам с Джекки, что будет балериной, как Вы.

Выходит, первая балерина в роду Кеннеди...

Президент говорит, что знает о моей вчерашней встрече с братом, о поразительном совпадении нашего летосчисления...

Но тут в компанию втискивается рыжая голова Покаржевского. Отдавливая широкими крестьянскими стопами мне ноги, плечиком оттирая помаленьку от Кеннеди, наш вождь вкладывает мне в руки, стараясь проделать сию манипуляцию понезаметнее, книгу «Большой балет». Книга издана в Москве с десяток лет тому назад. Тяжелая, нелепая, с нерезкими фотографиями артистов, которые уже на пенсии и более не танцуют. Типографская краска оставляет следы на ладонях, да еще книга источает некий запах клейких веществ, знакомый всякому. Весь III акт я обоняю, что от моих черных лебединых рук-крыльев сочится мерзкий дух советского клея. Вообразит, того гляди, партнер, что рокфору объелась дочь Злого Гения Одилия. Как-то бедный президент! Он держал книгу поболее моего...

Наутро Джон Кеннеди принял труппу Большого в Белом доме. Он вновь наговорил мне целый ворох добрых похвал. Я же начала разговор с наивных оговорок, дескать, танцевала я не слишком хорошо, скованно, жаль, что он с Жаклин попал именно на этот спектакль. Театр тогда в Вашингтоне был тесный, никудышный, со скользкой неудобной сценой.

- Вы были бесподобны. Я был сражен наповал (именно так перевел похвалы президента советник по культуре нашего посольства... Хорошенькое провидение!..).

Той ночью после спектакля мне не спалось, и я проглотила среди ночи снотворную таблетину, а теперь, осушив бокал президентского «Дюбоне» натощак, нешуточно захмелела.

- Когда вы танцуете следующий раз? - поинтересовался вежливо президент.

- Завтра.

- А что?..

- «Баядерку» и «Лебедь». Приходите с Жаклин. Я станцую лучше...

На самом деле назавтра шла «Жизель». Я все перепутала. Во хмелю я жестикулировала с удвоенной горячностью, моя меховая шапочка сбилась набок, волосы пораспушились. Именно здесь, в Белом доме, Жаклин осенила мое будущее прогнозом: «Вы совсем Анна Каренина...»

Приближалось двадцатое ноября, наш день рождения. Администрация Большого стала проявлять ко мне «отеческий» интерес.

- Что бы Вам подарить Роберту Кеннеди двадцатого?..

- А правда, что бы? И как?..

И сладкими паточными голосами: привезли мы тут, знаете, кстати, расписной русский самовар для одного нашего товарища, юбилейная дата у него, но, думаем, лучше будет вам его отдать. Для Роберта Кеннеди. Нашему товарищу мы что-нибудь иное подыщем с помощью работников совпосольства. Напишите дружеское поздравление своему одногодке - по-русски, разумеется, - а мы уж переведем и точно двадцатого вручим министру вместе с самоваром... Он порадуется, полюбуется. Самовар-то выставочный.

- А он что, очень большой?

- Не маленький, Майя Михайловна, не маленький, не дешевый.

- А откуда он у меня может быть? Что министр подумает? Покажите мне ваше расписное чудо.

Самовар оказался, как я и предполагала, огромный. Величиной с рослого ребенка. Ну где такой я могла в Америке заполучить?.. А из дома этакий самоварище в подарок неизвестно кому не прихватишь...

Отказалась, как ни уговаривали.

Письмецо написала, точнее, всего несколько слов. И приложила полдюжины деревянных ложек. Пускай ценности никакой, но зато - мое. Мои ложки.

С сожалением, что самовар не подошел, - но передать мой привет Роберту Кеннеди наши «деятели» берутся.

Двадцатого ноября меня разбудил громкий, продолжительный стук в дверь моего гостиничного номера в Бостоне (телефон на ночь я, как обычно, отключила).

Трудно продрав глаза, чертыхаясь, отворяю. За дверью стоит, чуть покачиваясь, гигантский букет белых пахучих лилий. Отельного посыльного, держащего цветы на руках, за ним не видно. Второй посыльный протягивает мне изящную коробку, зашнурованную широкими парчовыми бантами. И конверт с письмом.

От Роберта Кеннеди.

Он поздравляет меня сегодня первым.

Развязываю банты, раскрываю коробку - на малиновой бархатной подушечке прелестный золотой браслет с двумя инкрустированными брелками. На одном - Скорпион, знак нашего зодиака. На другом - святой архангел Михаил, поражающий копьем дракона.

Чуть попозже Роберт звонит мне сам. Я, мучаясь, отыскиваю в своей заторможенной утренней памяти несколько ответных слов по-английски: Thank you... Also... Best wishes.... Это сущее несчастье быть неграмотной! Я неграмотна от советской системы, от собственной неизбывной лености, всегдашней мерзкой уверенности, что переведут, объяснят, помогут. А тут никого. Вот и блею, как дитя двухлетнее: Thank you... Also... Best wishes...

Бегу в класс. Но на пороге сталкиваюсь с новым посыльным, несущим от Кеннеди картонку с винными бутылями. Этак я свой всегдашний распорядок нарушу, в день спектакля поутру не разогреюсь.

В классе меня встречают на самой торжественной ноте. Вот какие пироги. Корзина цветов. Приветственный адрес, подписанный всеми вождями поездки. Поздравление от посла Добрынина. Покаржевский держит возвышенную речь: «Наша дорогая Майя Михайловна, Вы...» Переходит почти на пение - так я, оказывается, талантлива и неповторима. Золотой зуб во рту нашего вождя подобострастно улыбается мне. Бурные аплодисменты. Вот что значит родиться в один день с министром юстиции США!..

Вечером на спектакль приходит третий Кеннеди - Эдвард. После конца он поднимается на сцену, говорит «фантастик» и целует в обе щеки. Это по поручению Боба, объясняет он...

А потом Юрок закатывает прием. В мою честь. Передает телеграмму от Родиона. Мы пируем до глубокой ночи. Куплеты, танцы, все меня любят, всем я мила... Метрдотель мягкой поступью приближается к столу: «Телефон, мисс Майя»... Покаржевский смолкает на полуслове - вот оно, - весь напряжен...

Беру трубку в тесной кабинке возле бара. Это опять Роберт Кеннеди. Долго и горячо что-то мне объясняет. Ничего не понимаю. Здравомыслящему западному человеку невозможно уразуметь, что я совершенно ничего не понимаю по-английски. Ни единого слова. Включаю свою пластинку: «Thank you... Also... Best wishes... Подумает министр наверняка, что я совсем дурочка. С таким репертуаром слов и не пококетничаешь...

За несколько дней до моего следующего дня рождения, который я на сей раз отмечаю дома, в Москве, Роберт Кеннеди вновь напоминает о себе.

Анастас Иванович Микоян, вернувшийся только из Америки, шлет мне на дом со своим помощником поздравление к 20 ноября. От Роберта Кеннеди. Пять фарфоровых бледно-сиреневых гвоздик - царственной красоты. С прожилками, пестиками, листвою. Совсем живые, совсем взаправдашние. По инерции тяну шею вдохнуть гвоздичный аромат. Спохватываюсь. Это - искусство, не природа...

С тех пор гвоздики эти навечно стоят в вазе на моем спальном столике нашей московской квартиры...

Через день после дня рождения - 22 ноября - у нас опять гости. Доедаем Катины яства - выйду на следующий спектакль толстая, в пачку не влезу, доотмечаюсь... Телефонный звонок: включите телевизор, в Джона Кеннеди стреляли!..

Приникаем к экрану... Ловим каждое слово... Президент убит... Несчастная Жаклин... Я и сейчас нервами помню чувство оцепенения, пустоты, охватившее меня в тот слякотный страшный московский вечер - кто? зачем? негодяи!..

СЛЕДУЮЩАЯ ПОЕЗДКА Большого балета в Америку произошла весной 1966 года. К 20 ноября - это уже стало нашей милой традицией - и Роберт Кеннеди, и я старались отыскать оказию, чтобы поздравить друг друга. Ясное дело, наши поздравительные «привет» были на виду у... КГБ.

За неделю до отлета в Нью-Йорк меня пригласил к себе в кабинет Михаил Николаевич Анастасьев. Он был тогда первым заместителем директора театра и был назначен возглавить американский тур 1966 года.

Анастасьева я вспоминаю добром. Несостоявшийся музыкант, брат заметного театрального критика, человек приветливый и отзывчивый, тяготившийся, как мне казалось, чиновными веригами. Он и кончил совсем плохо, выбросившись из окна после публичной партийной порки за обнаружившийся страстный роман с женщиной вдвое его моложе. Кто-то всплеснет руками, ах, Анастасьев, такой-сякой, мне он не помог, и прочая. Не буду оспаривать. Ко мне Анастасьев был добр.

- Майя Михайловна, познакомьтесь, пожалуйста, это Михаил Владимирович, он будет одним из моих заместителей в поездке.

Конечно, у Михаила Владимировича была и фамилия, но, входя в исправление высокой руководящей должности, Михаил Владимирович оставлял ее как бы за скобками, в тени. Так и величали народного предводителя просто Михаилом Владимировичем - с почитанием и показной любовью... Путает память моя бесфамильных полководцев наших, михаилов владимировичей, сергеев ивановичей, иванов даниловичей, но за мою жизнь их было пруд пруди...

- Майя Михайловна, - наконец отворяет щербатый рот новый пришлый полководец, - был я позавчера на «Спящей красавице», знаете. Какая же вы замечательная артистка! Сколько вынес впечатлений!..

Излив вдоволь книжных восторгов, приступает к цели. Выражение его серого лица выдает немудреный замысел.

- Листал я тут, знаете, энциклопедию, кто когда родился интересовался и натолкнулся, знаете, на поразительное совпадение. Оказывается, вы с сенатором Кеннеди в один день рождены? Две значительные, знаете, личности...

Ну что за безмозглая игра: какая, к черту, энциклопедия, когда весь театр, пол-Америки об этом давным-давно знают!..

Разных людей командировала к нам Лубянка. И дельных, умных в том числе. М.В.Калинкина, Феликса Перепелова труппа приняла, отнеслась к ним с непоказным уважением, дружественно. Лошади за версту отличат толкового конюха от тупоумного истязателя... Но... и здесь не восторжествовало добро, зло победило. Настучали на них сами братья-артисты - душа горела, - что слишком мягки да незлобивы надсмотрщики. А Перепелов в довершение либерализма своего еще и в балерину влюбился, жениться собрался. Не место таким под большевистским солнцем на площади Дзержинского. Поменяли работу, мягкотелые...

- Как было бы, знаете, хорошо, Майя Михайловна, - продолжает бесфамильный Михаил Владимирович, - чтобы вы с Робертом Кеннеди сдружились...

Ну совсем маниловские мечты о нерушимой дружбе с Чичиковым, за что расчувствовавшийся батюшка-государь «пожалует нас генералами»...

Всем не по себе. Мне. Анастасьеву. Даже автору великого проекта о нерушимой дружбе через океан...

Поэтому, когда через несколько дней начинается новый тур Большого балета по Америке, я стараюсь не попадаться на глаза Михаилу Владимировичу. И вообще избегать всего, что можно избежать. Ничего не случилось, не произошло, но чувство неловкости меня не оставляет. Настроение мерзкое...

Представитель СССР в ООН Федоренко 20 мая устраивает прием в нашу честь. Кто был там? Выпишу имена из своего дневничка: Бернстейн, Джером Роббинс, Майкл Никлс, послы с послицами, Юрок, Анастасьев, Жаклин Кеннеди, Роберт Кеннеди... и я. Это те, кто попал в мои записки. И уж, конечно, Михаил Владимирович. Ни на каком языке, кроме своего русского отечественного (точнее, советского), М.В. говорить не мог. Даже «best wishes» и «also» не разбирал. Совсем дремучий был человек. Дремучее меня. Но активность на приеме стал проявлять великую. Лицо красными пятнами пошло. Пот со лба прямо в бокал с шампанским скапывает. Руки подраживают. Закусочная сосисочка на спичке беспрерывно на пол падает. В довершение расплескал шампанское с потом на мое выходное платье. И дальше чем на четверть метра от меня не отдаляется. Ответственное задание выполняет...

Боб, войдя, тотчас примечает меня. Бросается навстречу.

Мы расцеловались и обнялись. С помощью Федоренко милый треп ведем. Пятнистый М.В. истуканом стоит. Возле нас. Прислушивается. Сопит. Волнуется. Шампанское разбрызгивает. Кеннеди все на него косится - это что еще за немой экспонат? Взаправду «подружиться» захочешь - спутнет старательный М.В. не только сенатора от штата Нью-Йорк, но и последнего гостиничного швейцара...

Боб договаривается заехать завтра в «Губернатор Клинтон» после репетиции, чтобы показать мне Нью-Йорк. К часу дня. Потом Боб держит речь. Или тост? За искусство. За дружбу народов. За посланцев России. За Майю Плисецкую, которая лучше дипломатов может...

Сдвигаем бокалы. Тут-то и заливает платье мое лубянский сводник.

К часу дня я, как со мной водится, опоздала. Минут на двадцать пять, а то и тридцать. Но Роберт Кеннеди исправно ждал. Он приехал с шофером, и тот припарковался возле самой входной двери в отель. Заметив мое торопливое приближение, Боб вышел из машины с букетом белых тюльпанов.

В стеклянных дверях «Клинтона» мелькает сосредоточенное лицо М.В. Идет, кажись, дело на лад - выражает удовлетворение лицо щелями глаз.

Из приветственных слов Кеннеди разбираю слово «lunch». Наверное, спрашивает, успела ли я перекусить. Вот кстати! На благотворительный юроковский обед в гостинице я сегодня не попадаю. А есть после класса и репетиции хочется нестерпимо...

- Lunch, lunch, - соглашаюсь.

Садимся в машину. М.В. по пояс высовывается из отельной двери. Поехали?..

Катим в ресторан.

После вкусного обильного завтрака идем пешком по Нью-Йорку. Вдвоем. Прохожие узнают своего сенатора. Останавливаемся у витрин «Тиффани». Боб, держа меня за руку, входит в магазин. Оглядываем внушительную залу. У отдела часов Боб замедляет ход. После реплик с продавщицей покупает мне будильник в кожаном футляре. Будильник без батареек, на старомодном заводе. Понимаю, что это молчаливый укор за мое опоздание. Разговор не клеится. Без переводчика мы ни о чем не договоримся.

Возвращаемся к машине и совершаем тур по городу.

Тюльпаны завяли...

В довершение застреваем в нью-йоркской пробке. Трафик. Начинаю нервничать - могу опоздать на вечерний спектакль. Кажется, и Боб стал тяготиться моим обществом. В салоне машины разливается скука... И все же мы встречаемся еще несколько раз.

Жаклин Кеннеди закатывает позднее суаре в мою честь. В строгом черном платье, очерчивающем, словно траурной каймой, ее драматический облик, Жаклин приветствует гостей. Я с пристрастием всматриваюсь в ее потускневшее, но чудесное веласкесовское лицо. И думаю - это еще вопрос, кто из нас больше Анна Аркадьевна Каренина...

Интересно пообщаться с Баланчиным. Он приходит на суаре с Люсей Давыдовой, его душеприказчицей и восторженной почитательницей. В тоне обихода аристократических интонаций первой русской эмиграции Люся величает Баланчина «боженькой». Тот без ропота отзывается на Люсин неземной клич...

- Майя, кто ваш педагог? - спрашивает Баланчин неожиданно.

- В этой поездке?

- Нет, кто всегда. Кто за вами следит?..

Я заминаюсь. КГБ за мной следит. Михаил Владимирович доставил меня из театра до дверей дома Жаклин. Сам - без приглашения - войти не решился: вдова президента. Хотя страсть как хотелось... А может, стоит еще, топчется. Кто знает...

- Одного педагога не назову. Училась у Гердт. В класс хожу к Асафу Мессереру. Репетирую с Ильющенко, Семеновой. А по правде - сам себе я голова...

- Сама голова - это недурно. Но хороший педагог, не сердитесь, Майя, вам нужен.

Свой вопрос задает и Люся Давыдова: успела ли я посмотреть боженькиного «Дон Кихота»? Отвечаю, что не успела. А наши ходили...

- Ну и как, что говорили?

- Говорили, что не понравилось, - выпаливаю в простодушии.

Люся Давыдова морщится. Утюжит губы. Насупливается.

- Ах, я забыла. Советский вкус. Но вы-то, вы-то, Майя, обязательно посмотрите. Это вечный шедевр...

Одними из последних приходят Боб Кеннеди с Этель. В этот вечер мой английский язык - Люся Давыдова. Она переводит наш разговор.

В дневнике у меня записано, что говорили о Вьетнаме. Это была тогда самая больная тема. Боб спросил, что об этом я думаю издалека, из России. Я ответила, что мне очень жаль американских парней, гибнущих в рисовых полях и болотах.

- А мне жаль и парней вьетнамских. Если я стану баллотироваться в президенты и меня предпочтут, то первым делом прекращу эту дьявольскую бойню. Стоит мне в 1968-м выставить свою кандидатуру?..

Я отвечаю - это цитата из дневника: «Why not?..»

Мой английский дает внезапную вспышку...

После суаре у Жаклин Боб и Этель подвозят меня к «Клинтону». Мы несколько минут прощаемся у освещенного подъезда. Замечаю, что невдалеке, стараясь не покидать тени, прогуливается, ссутулившись, Михаил Владимирович. Я даже успеваю углядеть, что он невесел. Сердится на недогадливую Этель - ну к чему она здесь...

Назавтра я пожалую к Роберту и Этель домой.

Дом полнится детьми. Звуками. Гомоном. Один из наследников простужен и надсадно, с оглушительным треском кашляет. Боб берет его на руки. Девочка теребит Этель - неотложная просьба. Двое старших отправляются кататься на пони. Идет обычная американская жизнь...

Я осматриваю нью-йоркскую обитель Кеннеди. Внимание приковывает фотография двух братьев - президента и Роберта. Оба сидят в позе роденовского мыслителя, анфас друг к другу, профилем к зрителю. Головы склонены. Руки крестами сложены на коленях. Лица понуры. Невеселость подчеркнута светом - он притемнен и рассеян.

- Хорошая фотография, - говорю я. - Только очень печальная. Словно Джон предчувствует, какая судьба ему уготована. Но вы, Боб?..

- А кто предскажет судьбу мою?..

С английским помогает сегодня Семен Семенов. Семенчик, как все его звали. Веселый, картавый, беглый человечек, бывший танцор русского балета Монте-Карло. Теперь он служит в конторе Юрока. По балетной части.

- Я дарю вам эту фотографию. Возьмете?.. - Боб снимает со стены окантованное темным деревом пророческое фото...

Боб Кеннеди еще несколько раз приходит в театр. Урывками посещает мои выступления. Прижимистый Юрок ворчит:

- Сенаторы должны покупать в кассе билеты. Зачем «протекать» без платы через служебную дверь? Эта дверь для моих артистов. Что торчать, как мальчишка, за кулисами? Отвлекать балерину от работы...

Так и пробежали мои нью-йоркские деньки...

Что же это было?

Задумываюсь из сегодня. Флирт - не флирт. Игра - не игра. Зов - не зов...

Но тяга - была. Интерес - был. Любопытство - было. Новизна - была. Непривычность - была... Чудесное совпадение нашего появления на Земле - было. Изумление тому - было...

Я слышала салонные разговоры о близости Боба Кеннеди с Мэрилин Монро, что был он изрядный донжуан. Что правда? Что навет? Что просто зависть к неординарным, талантливым, броским людям? Что желание задеть, выпачкать?.. Не знаю... Но со мною - знаю. Со мною Роберт Кеннеди был романтичен, возвышен, благороден и совершенно чист. Никаких притязаний, никакой фривольности...

И я ему оснований на то ни разу не дала. Огорчу аудиторию, как Валентина Кошуба в мадридской передаче... «Не было такого»...

И еще - тень Михаила Владимировича, ступавшая за мной по пятам. Смутный осадок на душе, тревожное нытье под ложечкой. Словно я вовлечена в нечистоплотный заговор. Будто я подсадная утка. От одного этого станешь холодна, как Ледяная дева...

В 1968 году свидеться нам с Робертом Кеннеди было уже не суждено.

Тур Большого балета начался в тот год в конце мая. На «Метрополитен». Теперь прямо сквозь окно своего номера я любовалась шагаловскими панно и все искала неоспоримого сходства с изображенными художником рыжими балеринами (для этой цели я даже номер в отеле сменила)...

В первый же вечер Роберт Кеннеди позвонил мне в гостиницу, и я разобрала, что он принял решение баллотироваться в президенты Америки и должен объездить многие штаты. Впрочем, тем пестрели все газеты, в том числе московские. В Нью-Йорке Боб будет в начале июня и 11-го мы вместе отужинаем. Не занимайте вечер!..

Весть, что Роберт Кеннеди, кандидат в президенты - «до основанья и затем» переполошила интрижное ведомство незабвенного Михаила Владимировича. Началась окаянная возня еще в Москве: надо Майе Плисецкой везти кандидату к приличествующему великому моменту подарки. Поразить будущего президента российскою широтою. «Продолжить, углубить контакты, дружбу...»

Опять возник самовар (мало фантазии у советских шпионов). И - икра. Мно-о-о-го икры... Нынешний самовар был гигантских размеров - величиною с рослого тренированного юношу. Только потяжелее на вес. Старинный, пузатый, светло-медного цвета, с узорчатым краником. Мне его украдчиво показали в мастерских Большого, где я мерила балетные туфли, и мягко предупредили, что он будет отправлен на мое имя. Я рассвирепела:

- К черту ваши самовары! Отправляйте под директорским именем. Меня не касайте...

Занимались теперь самоварными делами люди из советского представительства в ООН. Эти работнички были совсем другого класса, нежели незабвенный немой истукан М.В. Между сенатором и кандидатом в президенты есть некоторая разница.

Но не сгодился самовар. Зря через океан его волокли. Где он теперь? Куда запропастился? Икру-то, ясно, работнички сами съели... Мно-о-о-го икры...

...Пятого июня в Лос-Анджелесе в Роберта Кеннеди стреляли...

...Шестого он умер...

У меня на шестое июня назначен на вечер концерт. В новом «Мете». Должна танцевать «Спящую». Па-де-де. Но разрывается сердце. Надо что-то сделать. Закричать!.. Свою боль людям выплеснуть...

Перед началом концерта на сцену выходит представитель администрации «Мета». Он говорит:

- В знак траура, в память Роберта Кеннеди, вне программы Майя Плисецкая исполнит «Умирающего лебедя» на музыку Сен-Санса. Хореография Михаила Фокина...

Медленно открывается занавес. Зал встает. Тихо встает. Но я со сцены слышу, что он встал. Все встали.

Ледяная тишина. Четыре вступительных арпеджио арфы. Солирующая виолончель начинает петь мелодию. Я погружаюсь в танец. Луч прожектора выбирает из темноты мои руки, предплечья, шею...

Люди замерли. Никто не шелохнется. Приглушенные рыдания вкливаются в музыку. С разных сторон. Как слезные ручейки...

Танец закончен. Луч долго держит мою последнюю смертную позу. Истаивает...

Аплодисментов нет. Горестная тишь. Люди стоят безмолвно. Занавес медленно-медленно затворяет темноту сцены...

«Тишина, ты - лучшее из всего, что слышал», - говорил Борис Пастернак. И самое страшное, - думала в тот вечер я...